

Роберта Вустерова

Петровы и другие разные

16+

Роберта Вустерова

Петровы и другие разные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65938949

SelfPub; 2021

Аннотация

На далекой малоразвитой звезде в ржавой самовозке едут от космодрома к столице пятеро – четверо представителей разных созвездий мужского пола и мрачная девушка-землянка. Дорога дальняя, пейзаж за иллюминаторами унылый, и, чтобы скоротать время, путники затевают соревнование: кто из них расскажет самую занимательную историю, тому и приз. Девушку, само собой, определяют в судьи. По странному совпадению главные герои всех рассказываемых историй носят одну и ту же фамилию – Петров. И этих самых Петровых медом не корми, только дай связаться в стычки то с индейцами, то с послем Альдебарана. Каждый рассказчик убежден, что приз достанется ему. Но у девушки к историям с Петровыми свое – весьма загадочное – отношение.

Роберта Вустерова

Петровы и другие разные

На очередной воздушной яме самовозка проскребла днищем по камням, и я окончательно открыла глаза. Заснуть не удалось ни на минуту. На нормальной планете ржавую посудину, на которой я и четверо моих попутчиков тащились от космодрома к столице, давно переплавили бы на что-нибудь полезное. Увидев ее на стоянке роверов, я поинтересовалась, способна ли она вообще сдвинуться с места. «Чего-чего, а этого у нее не отнимешь», – невозмутимо ответил диспетчер и списал с моей карты нехилую сумму за проезд.

Я выглянула в панорамный иллюминатор. Два солнца – алое и синее – окрашивали пустыню вокруг в густой фиолетовый цвет. То тут, то там песок закипал и в небо ввинчивались багровые смерчи. Небольшие, высотой с двенадцатиэтажку. Отец уверял, что они не опасны и что местные роверы справляются с ними даже при попадании в эпицентр. Ага, так я и поверила. Не самовозка, а просто милый домик Элли. Взлетим здесь и мирно приземлимся прямо на дорогу из желтого кирпича у папиного бунгало. Только моему отцу могла прийти в голову идея отпраздновать свой юбилей в этом диком месте. Экзотики ему, видите ли, не хватает. Это ему-то!

Заметив, что я бодрствую, мои спутники оживились. Си-

девший в дальнем правом углу молодой рыжий землянин одарил меня белозубой улыбкой от уха до уха. Все скалится, гад. Все ему смешно. Взбесившись, я круто развернулась к пассажиру, что сидел слева. Не знаю, из какого он был созвездия, но выглядел славно: вытаращенные глаза, вытянутое туловище в форме розового огурца, вместо рук – десять отростков с присосками. Четыре отростка приветливо мне помахивали, остальные ловко очищали от кожицы незнакомый фрукт. Кожица напоминала пузырчатую пленку для упаковывания. При неосторожном нажатии пузыри лопались, наполняя самовозку ароматом ванильного мороженого.

Разделав фрукт на дольки, самую большую «огурец» с поклоном протянул мне. Сидевший прямо напротив меня землянин в строгом костюме и галстук от своей порции отказался, и рыжий сожрал две. На четвертого моего спутника, ярко выраженного уроженца Кассиопеи, угощение подействовало странным образом, наверно, из-за аллергии на ваниль. Сначала он надолго прилип к иллюминатору, вглядываясь в ландшафт и нервно подсчитывая что-то на калькуляторе. Потом тяжело вздохнул, свернулся трубочкой и заявил, что трястись нам еще три часа, и, чтобы время не тянулось слишком медленно, он обучит нас хоровым песням его любимой родины. После чего замахал перед нами невесть откуда взявшейся дирижерской палочкой.

Землянин в галстук закатил глаза. Рыжий хохотнул.

«Огурец» прошептал: «О, только не это». Похоже, ему были знакомы как хоровые песни кассиопейцев, так и их настойчивость в достижении цели. В самовозке воцарилось напряженное молчание.

Откашлявшись, кассиопеец стал распеваться. Мой взгляд заметался по спутникам в поисках спасения. Поймав его, «огурец» перехватил присоской палочку и сказал, что существует другой, испытанный и менее шумный способ приятного времяпрепровождения. Миллиарды лет, начиная с Большого взрыва, путники Вселенной успешно коротают время, рассказывая друг другу занимательные истории.

– Это какие же? – ядовито поинтересовался кассиопеец. – Про любовь?

– Да какая разница, – поморщился землянин в галстук. – Все лучше, чем петь три часа подряд.

– Вы что-то имеете против наших хоровых песен? – взвился кассиопеец.

– Упаси бог. Я их обожаю. Но мои легкие, боюсь, их не выдержат. – Землянин прижал руку к груди и довольно-таки натурально покашлял.

– Просто так рассказывать истории не цивилично, – вмешался рыжий. – Драйва нет. Давайте соревноваться. Кто расскажет лучшую, получит приз. Судить будет она. – Наглец показал пальцем на меня.

– Отличная идея, – поддержал рыжего «огурец». – Только не надо тыкать в барышню пальцем. Тем более в судью.

Я отбрыкивалась как могла. Изображала дебилизм, уверяла, что ничего не смыслю в сторителлинге, обозвала рыжего придурком (давно хотелось), разве что не плевалась. Но спутники в четыре голоса убеждали, что лишь присущие моему полу утонченность и мудрость позволят избежать неправомерного суждения. К тому же я с Земли, а земляне, вроде, славятся критическим мышлением.

И я сдалась. Даже полезла в рюкзак, чтобы поискать среди подарков отцу, маме, брату, кузенам и племянникам какой-нибудь приз. «Наладонный антигравитатор пойдет?» – спросила я, глядя в глаза рыжему. Он фыркнул, видимо, понял, что ему-то приз не светит. Зато остальные пришли в восторг, будто я не детскую игрушку предлагаю, а только что сошедший с конвейера супермощный одноместный звездолет фирмы «MARS&Co».

Тянули жребий, кому начинать. Выпало землянину в галстук. Когда он объявил название своей истории, я наострила уши.

Петров и зомби

Петров брел по лесу, не разбирая дороги. Как выскочил утром из приемной директора, как рванул в лес за оградой инженерного корпуса, так и шел весь день, не останавливаясь. В мыслях он все еще стоял перед открытой дверью в кабинет. Двое внутри целовались. В том, что некий директор

ранним утром с удовольствием целуется со своей секретаршей, ничего необычного не было. Такое случается. Сбивающим с ног было участие в поцелуях не какой-то там неопределенной секретарши, а возлюбленной девушки Петрова Инги.

По телу страдающего инженера пробежала дрожь. Он снова и снова встречался глазами с директором, снова слышал начальственный рык «Дверь закрой!». В ушах в сто первый раз раздавались собственное жалкое «извините» и хохот Инги: «Слизняк!». Жить не хотелось.

К полуночи ноги вынесли Петрова к покосившейся избушке. Жить не хотелось по-прежнему. Но от глотка воды перед смертью он бы не отказался.

Петров провел языком по пересохшим губам и шагнул на переломанный порожек.

На стук выглянула дряхлая бабка. По виду – чистая Баба Яга. Спина горбом, нос в бородавках, на седых космах бандана с черепами. Увидев Петрова, Яга взвизгнула и потянула дверь на себя.

– Мне бы попить, – сказал Петров, придерживая дверь.

– Вали отсюда, – прошамкала Яга. – Хватит с меня принцев-самоубийц.

– Какой я принц... – пробормотал Петров. Хохоту Инги в его голове прибавили звук. – Я слизняк и неудачник.

В глазах Яги мелькнуло сочувствие. Она поправила бандану и больно пнула Петрова в колено.

– Зато живой. Хотя ненадолго, если не свалишь.

– Если не уйду, съешь? – заинтересовался Петров.

– Сдался ты мне, – плюнула Яга. – Зомби припрутся.

«Зомби?» В голове Петрова поверх насмешек и унижительных видений запетляла мысль.

– Много? Зомби много?

– Тебе-то что?

Ухватившись за ручку, Петров рванул дверь так, что та чуть не слетела с петель.

– Буду стоять, пока не скажешь.

Яга закатила глаза и забормотала что-то себе под нос, загибая пальцы. До Петрова доносились обрывки фраз: «значаща, четвертый», «опять папаша подсуетился», «банкирская морда – семь». Завершив счет, Яга уставилась на Петрова и взглядом просверлила в нем дырку.

– Ну? – Петрову внезапно стало весело. – Сколько?

– Десять штук. Теперь вали. В лесу тебя не тронут.

– А тебя?

– Я им без надобности. Им мой гость нужен. – Старуха хихикнула. – На белом коне. Но и ты сгодишься.

– Стать зомби – это выход, – мечтательно произнес Петров. – Крыша над головой не нужна. Одежда не нужна. С едой?.. Директора могу погрызть. Ингу.

Голос возлюбленной в голове умолк. Пить расхотелось. Подвинув Ягу, Петров протиснулся в узкую дверь.

«Шансов у меня никаких, – думал Петров, осматриваясь

в поисках оружия. – Но попробовать-то могу. – Он выломал ножки у табуретки, взвесил в руке кочергу. Крышка от цинкового бака с водой годилась на роль щита. Петров глубоко втянул в себя воздух. – Главное – разнести зомбаку голову, иначе не сдохнет. Интересно, сколько продержусь?»

Зомби объявились быстро.

То ли они были полными идиотами, то ли проход был слишком узким, но неприятель сначала лез в избу по одному, и первых четырех Петров загнал в небытие ножками табуретки. Потом дверь окончательно отвалилась, и на пороге возник зомбак в строгом костюме и галстуке. Трясущая левая рука (правая отсутствовала) с трудом удерживала желтый кожаный портфель. Хотя и костюм, и галстук, и портфель изрядно потрепала потусторонняя жизнь, сомнений не было – напротив Петрова стояла «банкирская морда». За ней, завывая, теснились остальные.

Снеся «морде» голову крышкой бака, Петров вошел в раж.

– До тебя! Я не был! Слизняком! – орал Петров отсутствовавшей Инге, круша кочергой голову 6-го.

– Изобрел толщиномер, – разнес он 7-го и 8-го.

– Не лебезил перед придурком начальником! – за 8-м отправился 9-й.

– С меня хватит! – за 9-м последовал 10-й.

Отшвырнув кочергу за печку, Петров стукнул себя в грудь на манер Кинг-Конга и нашел глазами Бабу Ягу. Ягушенция

лежала на животе на печи, подперев ладонями подбородок и с интересом в инженера всматриваясь. Петрову почему-то очень захотелось узнать, о чем она сейчас думает.

И тут снаружи раздался громкий треск, будто кто-то наконец доломал порожек, в избу ввалился здоровенный зомбак и заковылял к Петрову, щелкая остатками челюсти.

Петров понял, что бросать оружие за печку было преждевременно.

«Ну да, попробовал – не получилось, – констатировал он, зажмуриваясь. – Эх, ошиблась бабка в подсчетах!»

«Хрясь!» – раздалось рядом, и щелканье зубов прекратилось.

Петров открыл глаза. Мрачная Ягушенция свешивалась с печи, с трудом удерживая в руках чугунную сковороду.

– Этот точно последний. – Тряся космами, она сползла на пол. – Похоже, заклятье того... Папаша обрадуется. – Яга помолчала, потом опять взялась сверлить в Петрове отверстие. – Ну, давай, проси, чего хочешь.

– Ничего не хочу. – Петрову было легко как никогда, и он с трудом сдерживал смех. – У меня все супер.

Он приподнял Бабу Ягу и чмокнул в нос.

Яга странно взглянула на Петрова, выпятила нижнюю губу и поскребла за ухом.

– Могу подвезти. Пока не превратилась.

Через минуту Петров летел над лесом в ступе, обхватив Ягу за тонкую талию. Грудь распирала гордость. Ему снова

захотелось по себе побарабанить. «Уволюсь, заберу у Инги ноут и побарабаню», – решил он и искоса взглянул на Ягу.

Та молодела и хорошела на глазах.

– Ну как? – землянин поправил галстук и вызывающе вскинул подбородок. Наверно, был уверен, что равных ему сторителльщиков в нашей компании не найдется.

– Замечательно, – искренне восхитилась я. – Мне очень-очень понравилось. Конец, правда, неопределенный. Вопросы остаются. Кем была эта Баба Яга? Что за заклятье на нее было наложено? И вообще...

Землянин замахал руками, будто изображал на детском утреннике ветряную мельницу, и быстро забормотал свои предположения.

Мне они были до фени. Дело в том, что я уже слышала эту историю. Даже не раз. И знала кое-какие подробности. Например, что фамилия директора НИИ была Сидоров. И что этот самый Петров на этой самой Бабе Яге по великой любви в конце концов женился. Ягу, кстати, после снятия заклятья звали Иванка. Землянину, похоже, об этом ничего не известно. Все равно даже в обрезанном виде история чудесная, я люблю ее слушать.

Я достала контейнер с антигравитатором и протерла его рукавом.

– Не вздумайте принимать решение, пока не выслушаете

всех, – взбеленился кассиопеец. Он подпрыгнул на сидении и завис в воздухе, видимо, сильно разнервничался. – У меня тоже есть что рассказать.

– Так в чем дело? – пожала я плечами. – Начинайте.

– Не моя очередь, – пробурчал кассиопеец. – Следующий – розовый.

– Моя история в два раза короче, но это не делает ее неконкурентоспособной, – заявил «огурец», подмигивая мне всеми четырьмя глазами. – По удивительному совпадению ее герой тоже носит фамилию Петров. И название у истории тоже есть.

Я насторожилась. Как оказалось, не зря.

Петров и посол Альдебарана

– Ты кто? – Петров ткнул бластером в зеленую рожу. – С какой планеты?

– Буу, – пробубнила тварь с присосками. – Бу-уу-у. Кре.

– Он говорит, что рад с тобой познакомиться, – перевела подруга Петрова, меланхолично застегивая на блузке верхние пуговицы. – И еще он недоумевает, почему ты злишься.

Ах, этот гад еще и недоумевает?!

...Пять минут назад Петров, вернувшись раньше из командировки на Марс, тихо вошел в его с подругой квартиру на 271-м этаже корпуса Межзвездной экологической безопасности. Подруга прибыла в корпус из Дальнего космо-

са, имя ее выговаривалось с заиканиями, поэтому Петров звал ее просто – Аэлита. В руке Петров сжимал букет редчайших марсианских взрывунчиков. Хотел сделать сюрприз. Сюрприз «удался». В спальне неаккуратно одетая Аэлита покачивалась в воздухе в горизонтальном положении. На весу ее удерживал десяток отростков с присосками, исходивших из туловища похожего на оранжевый баклажан незнакомого Петрову инопланетянина. Закрыв глаза, Аэлита млела от удовольствия. Когда присоски по ней перемещались, она нежно хихикала, а партнер в ответ заполнял спальню пушистыми облачками с ароматом мускуса.

Появление Петрова идиллию с «левитацией» и облачками разрушило.

И сейчас внезапно вернувшийся с трудом сдерживал себя, чтобы не отстрелить у «баклажана» десять присосок из десяти.

– Бууу, – снова забубнил «баклажан». – Бу-хр-бу-бууу.

– Он посол Альдебарана, – перевела подруга Петрова, не спеша подкрашивая губы. – В их созвездии принято оказывать внимание женщине, чей мужчина в отъезде.

– Так вот как это называется, – взревел Петров и врезал букетом по дверке встроенного шкафа.

Взрывунчики взорвались все разом. В спальне запахло марсианскими непрозрачными ледышками. Дверка шкафа отъехала в сторону, и за ней обнаружился сменщик Петрова Сидоров. Из одежды на нем были только носки.

– Бу? – повернулся посиневший «баклажан» к Аэлите. – Бу?! Крхр?!!

– Да ну вас, – махнула та рукой.

Подскочив к Сидорову, «баклажан» замолотил по нему отроостками. Сидоров не отбивался, лишь прикрывал голову.

Петров расхохотался так, что из глаз потекли слезы. Отсмеявшись, он оттащил «баклажана» от сменщика и бросил Сидорову его астрокомбинезон.

– Пойдем, мужики, выпьем, – сказал Петров, всовывая бластер в кобуру. – Внизу в баре отличный виски. Я плачу.

– Хр, – кивнул «баклажан» и пошел к двери.

Надо же. Как насчет выпивки, так и перевода не потребовалось, удивился Петров и зашагал следом. Одевшийся Сидоров дышал ему в затылок.

Толкаясь плечами, они вышли в коридор и плотно закрыли за собой дверь.

Закончив, «огурец» уставился на меня веселыми глазами:

– Понравилось?

– Неплохо, – промямлила я. Не признаваться же ему, что его рассказ меня потряс. Один известный мне Петров уперто скрывает от меня некоторые детали своей биографии. Говорит, подрастешь – узнаешь. Сейчас выясню, он ли швырялся взрывунчиками. Если он – припру его к стенке при встрече. Будет знать, как темнить.

– У меня есть один знакомый землянин Петров, – продолжила мямлить я. – Говорят, когда-то, еще до женитьбы, он в поисках себя зафрахтовался в какую-то межгалактическую экспедицию и круто там прославился. И еще, говорят, на Альдебаране его чтут как национального героя. Мой Петров и ваш Петров – это один и тот же человек?

«Огурец» кивнул.

– Вы, похоже, сами из созвездия Тельца. С какой из звезд?

– С Альдебарана.

– Этот альдебарановский посол, случайно, не ваш родственник?

– Троюродный брат, – улыбнулся «огурец». – От него я все и знаю. С Петровым они потом крепко сдружились, несмотря на бластер. Ну, кто следующий?

– Наконец-то! – взвился кассиопеец. – Я вам сейчас такое расскажу!

Услышав название его истории и имя героя, я перестала дергаться. Считаете, необыкновенных совпадений не бывает? А вот и фиг. Не в этот раз.

Петров и индейцы

Перед дверью Петров просмотрел вопросник, полученный от Сидоровой. Дойдя до вопроса, что делал подозреваемый в ночь убийства, еле сдержался, чтоб не заржать. Ржать было нельзя. Микрофон на груди фиксировал даже шорох

мушинных лапок.

Петров открыл дверь. Посередине огромной полупустой комнаты стояла инвалидная коляска. Обмотанный проводами и трубками, человечек в ней не шевелился и дышал с трудом.

– Пожалуйста, сядьте, – прозвучал механический голос.

«Why not, – подумал Петров. – Что он мне сделает?»

– Не вздумай садиться напротив, – заорала в ухе Сидорова. – Не смотри в глаза. Я тебя предупреждала – это опасно!

Петров поморщился. Сидорова преувеличивает. Подозревает калеку бог знает в чем. Ну какой из него манипулятор? Как он может убить кого-то чужими руками? Ладно, буду косить, как заяц, лишь бы заткнулась.

Оглянувшись, Петров заметил то, что не сразу бросилось в глаза. Вдоль ярко освещенной солнцем стены стояли в ряд пять разных стульев. Петров выбрал стул с высокой спинкой и резными подлокотниками, поставил перед коляской, сел и выпрямил спину, старательно отводя взгляд в сторону.

– Хороший выбор, – произнес механический голос. – Много о вас рассказывает. Вы меня боитесь?

«Вот еще! – фыркнул про себя Петров. – Я не боюсь, я следую инструкциям».

Он поерзал, скрестил ноги, посмотрел в одну сторону, в другую, дернулся и встретился с калекой взглядом.

В следующее мгновение мир вокруг исчез. Исчезла инвалидная коляска с калекой. Исчезла комната со стульями у

стены. Исчез микрофон на груди. Петров несся сквозь плотный, как спрессованная вата, туман. Его тело грубело, раздавалось, наливалось силой. И каждая клеточка этого тела, кажется, знала, что ждет ее впереди.

Внезапно туман рассеялся, под ногами Петрова зазвенела твердая, как сталь, земля. Его захлестнула волна страха, захватило чувство смертельной опасности. Он был буйволом, за которым с криками гналась орда индейцев с томагавками и копьями. В носу горчило от запаха полыни. Ноги подкашивались от усталости и боли. Из правого бедра струйкой бежала на сухую траву кровь.

У края обрыва Петров затормозил, вспарывая землю копытами. Глянул вниз – дна ущелья не было видно. Может быть, его вообще не существовало. «На вертел не пойду, – решил Петров. – Успею, если что, спрыгнуть. Оттуда не достанут».

Он развернулся.

Наклонил голову.

Разъяренно покачал рогами, радостно ощутив их мощь.

Взметнул копытом фонтан пыли.

И ринулся на врага.

Он справился почти со всеми до того, как вождь вонзил в его сердце копьё. Вонзил – и замер. Взглянув в глаза вождю, Петров понял, что свободен. Шатаясь, он добрал до обрыва. И прыгнул.

Он падал, падал, падал, падал и клялся, что, если выжи-

вет, никогда больше не обзовет Сидорову дурой.

...Когда сознание вернулось, Петров снова сидел напротив инвалидной коляски.

– Спасибо, – произнес металлический голос. – Я испытал массу эмоций. Вы настоящий воин. Хотите повторить в другой ипостаси?

– Why not, – сказал Петров. – Но сначала разберемся, как вы убили дворецкого.

Не успела я открыть рот, чтобы похвалить кассиопейца и объявить состязание завершенным, как мои планы поломал рыжий. Погрозив мне пальцем, он заявил, что никому не позволит лишить его права голоса, тем более что у него тоже есть офигенная история.

Мне пришлось смириться.

Петров и ученые мужи

Петров метался по подвалу, нервно постукивая гаечным ключом по желтым кирпичам. Проход не обнаруживался. Из гроба за спиной доносилось мерное похрапывание.

«Не найду, пока спит, мне капец, – холодел Петров. – Припомнит все. Монстр. Разлегся в гробу, будто он на каникулах».

Этажом выше раздались крики, в подвале запахло озоном,

и на ржавой бочке возникло худосочное существо в белом. Увидев Петрова, оно побледнело, как испуганная треска, и поджало ноги.

– Не буди его. – Петров погрозил существу ключом и простучал три кирпича. «Где этот чертов проход сегодня? Где?»

– Шеф! – донеслось от гроба. – Шеф!

Петров обернулся.

Недокормленный сполз с бочки и тыкал в спящего черенком лопаты.

– Оу, – взвыл Петров и шмякнул по стене наугад. Стена исчезла. В открывшемся помещении вокруг агрегата размером со слона суетились люди в белых халатах.

Человек в гробу открыл глаза, увидел агрегат и заулыбался.

– Ну, Петров, спасибо. Спас. А как я поспал!

– Спасая в последний раз, – буркнул Петров. – Надоело. Вчера ваши опять за трубами застряли. Тоже мне ученые. Научились открывать портал только сюда – ко мне в подвал – ладно. Но обратно-то – фиг. Обратно – «Петров, выручай».

– Наука умеет много гитик. Но не всё. – Шеф хохотнул и подмигнул недокормленному. – Трясешься, лаборант Сидоров? Первый раз у Петрова?

– Он кто? – осмелел Сидоров. – Сильно нервный. Вас боится...

– Сторож наш. Боится – потому как газонокосилку не устерег. Ночью по крышам шлялся. У НИИ теперь не трава

– леса Бразилии. Макак не хватает. – Шеф зевнул. – А так он мирный. Вегетарианец. Тренд у них нынче такой: каждый второй – просто душка.

– Лифт сюда еще зимой заклинило, – не унимался Сидоров. – Как он выбирается?

– Просачиваюсь по канализации, – взбесился Петров. – Вам пора. Мне спать надо.

«Жилье, конечно, супер, – думал Петров, взбивая подушку. – В центре и недорого. Но сколько можно?»

Он завернулся в плащ, улегся в гроб и зевнул, обнажив клыки.

«Крыши Питера, крыши Питера... Запал на них, как последний лох. Всё. На туризм забить и домой в Трансильванию».

Крышка гроба мягко скользнула на место. В свете факела блеснула табличка:

«Влад Петров, граф Цепеш мл. Высший вампир»

Рыжий умолк и заговорщически мне улыбнулся.

– Позвольте, – вскричал кассиопеец и снова свернулся трубочкой. – Это что ж получается? Вы нарочно рассказали свою историю шиворот навыворот? В ней же до последней фразы ничего не понятно. Нужно второй раз прослушать, чтобы сообразить, что происходит и с кем.

– Повторить? – спросил рыжий.

– Не стоит, – взмахнул присосками альдебаранец. – Все уже разобрались. Ну-с, какой вердикт вынесет наша очаровательная судья?

Я потыкала пальцем по кодовому замку и, когда рюкзак открылся, достала из него еще три антигравитатора.

По награде каждому рассказчику. Даже придурку.

Объяснить, почему так решила, я не успела.

Внезапно самовозка дернулась, провалилась в воздушную яму и замерла. Зажужжал и открылся люк. Послышались голоса рабочих, подгоняющих к люку трап. Мы наконец-то добрались до столицы.

Разобрав багаж, мои спутники откланялись. В буквальном смысле – подходили ко мне и, склонившись в глубоком поклоне, что-то бормотали о надежде на новую встречу. Мои призывы их что ли впечатлили? А что я теперь подарю племяшкам?

Через минуту у самовозки остались я и рыжий насмешник. Он опять скалил зубы.

– Ну что, сестренка, путешествие понравилось? Скучно не было? Я старался.

Я оглянулась. Народу вокруг куча, а то я бы ему наподдала. Ничего, доберусь до него в бунгало. Праздник будет долгим – успеет пожалеть, что втянул меня в дурацкое состязание. Хотя, если честно, он прав – было жутко интересно.

И кое-что еще я выясню прямо сейчас.

– Ты знал, – заорала я, – что у Петрова в космосе завелась

какая-то – бе-е-е – Аэлита?

– Положим, знал, – поморщился рыжий. – Ну и что? Из этого же все равно ничего не вышло. И потом – сама же сказала – он искал себя, переворачивал жизнь.

– Ты тоже хорош! Запутал всех историей задом наперед. Надо было тогда все рассказывать.

– Нашим путникам достаточно. А ты и так знаешь.

Ну да, эту часть жизни Петрова я знала хорошо. Знала, что после экспедиции в Дальний космос, Петров занялся вместе с какой-то Сидоровой частным сыском, а когда ему это надоело, рванул в экстремальное путешествие по Земле. По сравнению с космосом экстрима на нашей планете кот заплакал. Однако в Трансильвании его грызнул в шею высший вампир. А потом граф Цепеш старший с чего-то расчувствовался, Петрова усыновил, приучил к вегетарианству, посадил на туризм, рассказал о крышах Питера. По вампирским меркам Петров был весьма юн – отсюда и табличка на личном гробу – «Граф Цепеш мл.». Свою жену, детей и многочисленных земных родственников Петров позже тоже покусал, но в них от вампиров почти ничего не осталось. Лишь вечная жизнь и умение летать.

– Дети! – раздался голос отца. Он парил над припаркованными роверами, придерживая за талию улыбающуюся маму. Влад и Иванка Петровы, граф и графиня Цепеш младшие. Как же я по ним соскучилась!

Я вскинула рюкзак на плечо, пнула брата в коленку и по-

летела навстречу родителям. По щеке бились идентификационные пластинки, по одной с каждого космодрома, где я делала пересадку, пока сюда добиралась. На каждом ИдПласте стояло мое полное имя: «Глафира Владиславовна Петрова, графиня Цепеш, мл./мл.».